

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 160–164

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 160–164

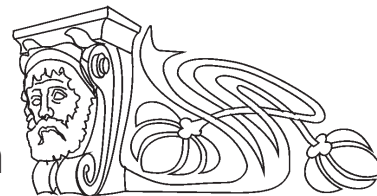
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-160-164>

Научная статья

УДК 165.62

Реконструкция проблематики темпоральности повседневного мышления в феноменологической социологии А. Шютца

О. А. Сомова

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112

Сомова Оксана Андреевна, аспирант кафедры теоретической и социальной философии¹; ассистент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии², oksanasomova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6135-1515>

Аннотация. Статья нацелена на выявление проблемного ядра темпоральных оснований повседневности, представленных в рамках феноменологической социологии. Сформулированное А. Шютцем понятие повседневности во многом опирается на концептуальные положения философии Э. Гуссерля о внутреннем сознании времени и А. Бергсона, разграничившего рефлексивное Я и жизненное единство сознательных процессов. Раскрывается тезис о том, что корреляция прошлого и настоящего выступает основанием повседневного мышления и в совокупности с пространственной близостью формирует область типичного. Временная последовательность элементов цепи типизаций выражается в предполагающем отношении к миру, где наступление события ведет к просчитываемому и некритически воспринимаемому результату. Ключевую роль в повседневной когнитивной установке играет горизонт современников, в котором происходит соотношение субъективного и объективного времен, что означает тесную связь между повседневной когнитивной установкой и объективным знанием. Повседневное мышление тесно сплетено с intersubъективным миром социальной реальности и фактически превышает пределы обыденного взаимодействия. В связи с этим делается вывод о том, что механизм функционирования повседневности, строящийся на разветвленной системе типизаций, отождествляет запас знания и свободу, обладает всеобъемлющим характером упорядочивания знания и распространяется в том числе и на области научного и творческого мышления.

Ключевые слова: темпоральность, повседневность, знание, типизация, феноменология

Для цитирования: Сомова О. А. Реконструкция проблематики темпоральности повседневного мышления в феноменологической социологии А. Шютца // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 160–164. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-160-164>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Reconstruction of the temporal foundations of everyday thinking in phenomenological sociology of A. Schütz

O. A. Somova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky, 112 Bolshaya Kazachya St., Saratov 410012, Russia

Oksana A. Somova, oksanasomova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6135-1515>

Abstract. Introduction. The article is aimed at identifying the problematic place of temporal foundations of everyday life, formulated in the framework of phenomenological sociology. The concept of everyday life outlined by A. Schütz is based on the conceptual provisions of E. Husserl's philosophy about the inner consciousness of time and A. Bergson, who distinguished the reflexive self and the vital unity of conscious processes. **Theoretical analysis.** The author reveals the thesis that the correlation between the past and the present is the basis of everyday thinking and, together with spatial proximity, forms the area of the typical. The temporal sequence of the elements of the typifications chain is expressed in an assumed relation to the world, where the occurrence of an event leads to a calculated result. The horizon of contemporaries plays a key role in the everyday cognitive attitude, in which the correlation of subjective and objective times takes place, which means a close connection between the everyday cognitive attitude and objective knowledge. Everyday thinking is intertwined with the intersubjective world of social reality and transcends the limits of everyday interaction. **Conclusions.** The mechanism of functioning of everyday life identifies knowledge and freedom, therefore, it has an all-encompassing character of ordering knowledge and extends to the areas of scientific and creative thinking too.

Keywords: temporality, everyday life, knowledge, typification, phenomenology

For citation: Somova O. A. Reconstruction of the temporal foundations of everyday thinking in phenomenological sociology of A. Schütz. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 160–164 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-160-164>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Повседневность является одним из ключевых концептов для социальной философии. Артикулирование значимости повседневности позволило осуществить «феноменологическую прививку» социологии и сформировать научный инструментарий, соразмерный жизни человека и порывающий с властью «социального факта». Социолог феноменологического направления А. Шютц обратил внимание на то, что повседневная жизнь человека содержит в себе не проблематизируемые ранее в науке обоснования социальной жизни.

Под повседневностью он понимает воспринимаемый в состоянии естественной установки сознания жизненный мир индивида [цит. по: 1, с. 122]. Лапидарное резюме высказываниям Шютца о когнитивном стиле повседневности дает И. Гофман. Отмечая, что работы австрийского социолога не дают исчерпывающего представления о повседневности, Гофман пишет, что в различных статьях под повседневностью Шютц понимает следующее: 1) особое, всеобъемлющее напряжение сознания; 2) воздержание от сомнений в существовании внешнего мира; 3) превалирующую форму осмысленной спонтанности, основанной на проекте и характеризующейся намерением воплотить проектируемое положение вещей в реальность; 4) трудовую форму переживания индивидуального «Я»; 5) особую форму социальности (общий интересубъективный мир коммуникации и социального действия); 6) стандартизованную временную перспективу, возникающую во взаимодействии внутренне переживаемого временем субъективного и космического, что составляет универсальную временную структуру интересубъективного мира [2, с. 66]. Множественность трактовок, выявляемых в работах Шютца, позволяет охарактеризовать повседневность как комплексный опыт – собственную форму сознания, посредством которой постигается «реальность» и в которой «реальность» обрабатывается таким образом, что она оказывается данной в качестве основополагающей для нашей деятельности сознания [3, S. 14]. Подобное видение высвечивает лишь объективирующий момент повседневности, что так или иначе прочитывается во всех перечисленных определениях повседневности. Представляется, что когнитивная схема повседневности во временном

проявлении затрагивает более широкие области жизненного мира. Более того, отстаиваемые Шютцем задачи социальной науки наводят на мысль о том, что сам Шютц видел в повседневности определенным образом понимаемый индивидами план жизни, осознаваемый ими как не единственный [4, р. 14, 117–118]. Мы не можем согласиться с интерпретацией Гофмана, но его резюме симптоматично и указывает на фактическое понимание концепции естественной установки Шютца (что подтверждается целым направлением социального конструктивизма). Обратимся к исходным текстам Шютца, чтобы установить причину расхождения между вменяемыми смыслами повседневности и восстановить недостающие свойства данного когнитивного стиля мышления.

Теоретический анализ

Время играет большую роль в прояснении механизма образования смыслов. Объясняя конструирование субъективного смысла, Шютц обращается к временности потока сознания и апеллирует к «внутреннему сознанию времени», понятию феноменологии Э. Гуссерля, с одной стороны, и к пониманию длительности сознания, одного из центральных понятий философии А. Бергсона. Временность сознания согласно Гуссерлю связана с конституированием объективного мира. Единство восприятия вещи формирует образ, к которому сознание может всегда вернуться и который служит точкой опоры для выстраивания линий ожиданий. Три временных момента в их взаимных отсылках составляют «конкретное живое настоящее» (*konkrete Lebensgegenwart*), которое утверждается в мире через соотнесение интересубъективного времени [5, с. 55]. Функциональный центр всех этих коридоров соотнесенности возникает как полюс Эго в идентичности синтеза внутреннего времени. «Субъективное время в повседневном жизненном мире характеризуется встречей между длительностью (*durée*) и космическим временем» [6, р. 9].

Длительность выступает как единство сознания, стирающее пространственно-временную дискретность, и представляет собой однородную динамическую реальность. Опыт переживания не может быть осмыслен во время события, это происходит позднее, при помощи рефлексии и воспоминаний. Воспоминания о событии означают вычленение из памяти разного рода

объектов, составляющих общее единство ушедшей длительности. Длительность обнаруживает себя в памяти, память формирует сознание как таковое [7, с. 434]. Вытесненное рефлексией в границы времени-пространства Я всегда существует апостериорно как рефлексивное начало, придающее дискретность жизненной длительности. Апостериорность памяти не означает ее отсутствие в длительности, на что и обращает внимание Шютц: существует осознание согласованности тела с каждой фазой существа, достигнутое путем сравнения предыдущих фаз [8, р. 35]. Значение предмета формируется посредством интроспективного анализа и определяется вариативностью памятных образов и их взаимообусловленностью.

Для повседневности характерно чувство домашнего комфорта, имманентное рецептурному прагматизму общественной жизни. Унисон повседневного взаимодействия, при нарушении которого последняя прекращает свое невидимое глазу действие [9, с. 138], весьма точно продемонстрирован Шютцем на примере исполнения музыкальных произведений и театральных постановок. Здесь единое пространство и параллельная (одновременная) временность синтезированы через мелодию, песни и жесты, ритмы которых, как камертон, синхронизируют через пространственную близость субъективную и объективную временность [8, р. 187, 193]. Иллюстрируемая при помощи театрального и музыкального искусства фундаментальная непрерывная ситуативность повседневности, однако, предполагает существенное допущение о договорном характере ситуации, и возможная критика не ускользает от понимания Шютца. Для него театральное единство пространства, времени и действия остается прекрасной иллюстрацией повседневности, и это, на наш взгляд, уводит социолога от одного важного следствия. В случае живого социального взаимодействия разрыв между ситуацией и переживаемым настоящим не всегда существует. Из приведенного отрывка следует, что повседневная установка осуществляется через вовлечение и синхронизацию, но синхронизация субъективного и объективного времен не нарушается, если субъект не принимает непосредственного участия в действии, так как ею фундируется интерессубъективность. В случае, когда начинается или, лучше, когда прекращается действие повседневной установки? Этот вопрос приобретает особенно острое звучание в свете невозможности ясной дифференции между прошлым и настоящим, отмечаемой исследователями проблематики темпоральности в концепции Шютца [цит. по: 6, р. 25].

Временная и пространственная близость позволяет сформироваться сообществу современников, т.е. тех людей, о существовании которых Я осведомлен, даже если никогда не видел их лично [10, с. 137]. В современниках выражена смысловая плоскость «само собой разумеющегося», поскольку в случае современников «потокость» сознания связана не столько с последовательностью мыслительных актов, сколько с интенционально общим миром создаваемой реальности. Определенный сектор внешнего мира равно доступен всем партнерам и в качестве источника целей и взаимодействия обосновывает гомогенную систему релевантностей [10, с. 151]. Существующий мир современников – это мир, понимаемый в качестве общего отрезка времени, который позволяет воздействовать друг на друга в коммуникативной среде [11, S. 318]. Интерессубъективность социальной реальности подразумевает возможность воспринимать результаты духовной жизни других людей как объективный смысл вещей. Шютц конкретизирует объективный характер данности интерессубъективности в понятии социально обусловленного знания. Это означает, что объем личного знания, имеющего социальное происхождение, больший, чем «чистое» субъективное знание, если о таком вообще возможен разговор. Так, темпоральный аспект объективности, ранее описанный Гуссерлем, получает более развернутое объяснение в качестве «типичного» в повседневной когнитивной установке.

Многообразие форм взаимодействия современников так или иначе основано на опыте, который позволяет осведомленности о существовании других принимать максимально анонимные и удаленные формы [10, с. 137]. Вся система социальных взаимодействий фундирована первичным опытом включения в малые группы, который в дальнейшем экстраполируется по аналогии. Складывающийся жизненный мир по существу опирается на биографическое прошлое человека, сформированное цепью последовательных ситуаций, осмысленных в символической системе конкретного общества. Как замечает О. В. Головашина, исследующая вопрос социального времени, идея о «взаимной смене перспектив» опирается на повседневное взаимодействие, сконструированное в прошлом и потому имеющее определяющее значение для поддержания социальной реальности [12, с. 45]. Типичное означает релевантное, т.е. соответствующее наличной ситуации, в связи с чем во временном аспекте наблюдается непрерывность повседневности [13, с. 196].

В рамках феноменологии естественной установки представления о повседневности складываются в несколько противоречивую картину. С одной стороны, Шютц с энтузиазмом описывает многообразие структуры повседневного мышления человека, различает нюансировку его мотиваций и рефлексивного начала поступков. Повседневность представляется полем для творчества субъекта, но с другой стороны, повседневность в известной степени гомогенна и состоит из набора типичных ситуаций и образцов поведения в ней. Сам Шютц не переставал упоминать об обширности сферы типичного [8, р. 188]. В этой связи представляет интерес пассаж известного специалиста в области наследия американской школы социологии и биографа А. Шютца Х. Вагнера, в котором философская биография самого Шютца доказывает несвободу человека от повседневности. Вагнер отмечает, что даже в сфере научных изысканий, представляющейся предельно свободной для реализации интеллектуального потенциала, сам Шютц действовал в соответствии с условиями современного ему военного времени. Он оставил много теоретических набросков, опубликованных позднее его последователями и коллегами, что говорит об осознании Шютцем малой доли возможности закончить свои проекты [14, р. 167–169]. Во временной протяженности повседневность неминуемо становится биографией. Лакунарное видение повседневного мышления, согласно которому повседневное отождествляется с жизнью обывателя и его, преимущественно хозяйственными, потребностями [15], существенно сужает действительную сферу проявления рассматриваемой когнитивной установки и нивелирует ее темпоральные особенности. Речь должна идти о *разных «повседневностях»* в случаях, когда подразумевается усредненное восприятие реальности или когда подразумевается типизирующее мышление. Шютц этого различения не проводит. Иными словами, можно «мыслить повседневно» даже в ситуации критически настроенной мысли.

Выводы

Повседневность фундирована предполагающей временностью, т.е. ожиданием наступления тех или иных событий, понятных со стороны их функциональной выраженности. Биографическая составляющая современников имеет смысл только как наиболее вероятная траектория поведения. Факт означивания вещи разворачивается в цепочку, где каждое звено нанизано на предыдущий акт осмысления, что в итоге вырастает в систему типичных ожиданий и, как следствие, поведения. Относительная свобода поведения со-

гласно мысли Шютца возможна только в случае достаточной информированности, что предполагает оперирование системами релевантности. Однако социальная природа жизненного мира в состоянии естественной установки сознания замыкает свободу и иные, не-повседневные модусы мышления в наборы типизаций и ставит действия субъекта в зависимость от широты его знания, что резко ограничивает реализацию свободы человека. Опираясь на сформулированный Шютцем механизм освоения повседневного жизненного мира, можно иначе решить вопрос о возможности познавательной свободы и вынести ее за границы осведомленности актора, поскольку описанный социологом алгоритм типизации в своем осуществлении не ограничивается исключительно предназначенной быть невидимой сферой повседневного. Концепция конституирования естественной установки, как можно теперь увидеть, выходит далеко за пределы обыденной жизни, объясняя временным характером сознания стереотипичность любой, даже творческой, сферы деятельности.

Список литературы

1. Шульга А. Типология категориально-понятийного аппарата феноменологической социологии (продолжение) // Социология : теория, методы, маркетинг. 2008. № 4.С. 119–147.
2. Гофман И. Анализ фреймов : эссе об организации повседневного опыта. М. : Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
3. Luckmann Th. Von der alltäglichen Erfahrung zum sozialwissenschaftlichen Datum // Phänomenologie und soziale Wirklichkeit: Entwicklungen und Arbeitsweisen. Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2003. S. 13–27.
4. Schutz A., Parsons T., Grathoff R. H. The Theory of Social Action: The Correspondence of Alfred Schutz and Talcott Parsons. Indiana University Press, 1978. 171 p.
5. Прехтель П. Введение в феноменологию Гуссерля. Томск : Водолей, 1999. 96 с.
6. Muzzetto L. Time and Meaning in Alfred Schütz // Time & Society. 2006. № 15. P. 5–31.
7. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск : Харвест, 1999. 1408 с.
8. Schutz A. 1899–1959. Life forms and meaning structure. London, Boston, Melbourne and Henley : Routledge, 2014. 232 p.
9. Бибихин В. В. Мир. Язык философии. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 448 с.
10. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира : очерки по феноменологической социологии / пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

11. Schutz A. Symbol, reality and society // Collected Papers. The Problem of Social Reality. The Hague, Boston, London : Martinus Nijhoff, 1962. Vol. 1. P. 287–357.
12. Головашина О. В. Темпоральность в исследованиях социального : конструирование времени и времени // Философия и общество. 2016. № 3. С. 42–56.
13. Смирнова Н. М. Социальная феноменология в изучении современного общества. М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. 399 с.
14. Wagner H. Phenomenology of consciousness and sociology of the life-world. The University of Alberta Press, 1983. 225 p.
15. Фролова С. М. Понимание повседневности в темпоральном измерении // Вестник Поволжского института управления. 2010. № 3. С. 184–191.
1991. 90 S. (Russ. ed.: Prechtl P. *Vvedeniye v fenomenologiyu Gusserlya*. Tomsk, Vodoley Publ., 1999. 96 p.).
6. Muzzetto L. Time and Meaning in Alfred Schütz. *Time & Society*, 2006, no. 15, pp. 5–31.
7. Bergson A. *Matière et mémoire, Essai sur la relation du corps à l'esprit*. Paris, Les Presses universitaires de France, 1939. 282 p. (Russ. ed.: Bergson A. *Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat*. Minsk, Kharvest Publ., 1999. 1408 p.).
8. Schutz A. 1899–1959. *Life forms and meaning structure*. London, Boston, Melbourne and Henley, Routledge, 2014. 232 p.
9. Bibikhin V. V. *Mir. Yazyk filosofii* [World. The Language of Philosophy]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Atticus Publ., 2016. 448 p. (in Russian).
10. Schutz A. *Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt Eine Einleitung in die verstehende Soziologie*. Wien, Springer, 1932. 286 S. (Russ. ed.: Schutz A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii*. Moscow, Institute of the Public Opinion Foundation, 2003. 336 p.).

References

1. Shulga A. Typology of the categorical-conceptual apparatus of phenomenological sociology (continuation). *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology: Theory, Methods, Marketing], 2008, no. 4, pp. 119–147 (in Russian).
2. Goffman E. *Frame analysis. An Essay on the Organization of experience*. Boston, Northeastern University Press, 1986. 557 p. (Russ. ed.: Goffman I. *Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta*. Moscow, Institute of Sociology RAN Publ., 2003. 752 p.).
3. Luckmann Th. From everyday experience to the social scientific date. In: *Phänomenologie und soziale Wirklichkeit: Entwicklungen und Arbeitsweisen* [Phenomenology and social reality: Developments and working methods]. Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2003. S. 13–27 (in German).
4. Schutz A., Parsons T., Grathoff R. H. *The Theory of Social Action: The Correspondence of Alfred Schutz and Talcott Parsons*. Indiana University Press, 1978. 171 p.
5. Prechtl P. *Husserl zur Einführung*. Junius Verlag GmbH, 1991. 90 S. (Russ. ed.: Prechtl P. *Vvedeniye v fenomenologiyu Gusserlya*. Tomsk, Vodoley Publ., 1999. 96 p.).
6. Muzzetto L. Time and Meaning in Alfred Schütz. *Time & Society*, 2006, no. 15, pp. 5–31.
7. Bergson A. *Matière et mémoire, Essai sur la relation du corps à l'esprit*. Paris, Les Presses universitaires de France, 1939. 282 p. (Russ. ed.: Bergson A. *Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat*. Minsk, Kharvest Publ., 1999. 1408 p.).
8. Schutz A. 1899–1959. *Life forms and meaning structure*. London, Boston, Melbourne and Henley, Routledge, 2014. 232 p.
9. Bibikhin V. V. *Mir. Yazyk filosofii* [World. The Language of Philosophy]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Atticus Publ., 2016. 448 p. (in Russian).
10. Schutz A. *Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt Eine Einleitung in die verstehende Soziologie*. Wien, Springer, 1932. 286 S. (Russ. ed.: Schutz A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii*. Moscow, Institute of the Public Opinion Foundation, 2003. 336 p.).
11. Schutz A. Symbol, reality and society. In: *Collected Papers. The Problem of Social Reality*. The Hague, Boston, London, Martinus Nijhoff, 1962, vol. 1, pp. 287–357.
12. Golovashina O. V. Temporality in social studies: construction of time and by time. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2016, no. 3, pp. 42–56 (in Russian).
13. Smirnova N. M. *Sotsialnaya fenomenologiya v izuchenii sovremennogo obshchestva* [Social Phenomenology in the Study of Modern Society]. Moscow, Canon +, ROOI Rehabilitation Publ., 2009. 399 p. (in Russian).
14. Wagner H. *Phenomenology of consciousness and sociology of the life-world*. The University of Alberta Press, 1983. 225 p.
15. Frolova S. M. Understanding of everyday life in temporal dimension. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [Bulletin of the Volga Institute of Management], 2010, no. 3, pp. 184–191 (in Russian).

Поступила в редакцию 10.10.2021; одобрена после рецензирования 06.11.2021; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 10.10.2021; approved after reviewing 06.11.2021; accepted for publication 25.03.2022